

Мадлен Миллер
Песнь Ахилла

МАДЛЕН
МИЛЛЕР

ПЕСНЬ
АХИЛЛА

Перевод с английского
Анастасии Завозовой

издательство **АСТ**
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
М6о

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Миллер, Мадлен.

М6о Песнь Ахилла / МАДЛЕН МИЛЛЕР ; пер. с англ. А. Завозовой. — Москва :
Издательство АСТ : CORPUS, 2023. — 384 с.

ISBN 978-5-17-108765-4

Кто из нас не зачитывался в юном возрасте мифами Древней Греции? Кому не хотелось заглянуть за жесткие рамки жанра, подойти поближе к античному миру, познакомиться с богами и героями, разобраться в их мотивах, подчас непостижимых?

Неудивительно, что дебютный роман Мадлен Миллер мгновенно завоевал сердца читателей. На страницах “Песни Ахилла” рассказывает свою историю один из самых интересных персонажей “Илиады” — Патрокл, спутник несравненного Ахилла. Робкий, невзрачный царевич, нечаянно убив сверстника, отправляется в изгнание ко двору Пелея, где находит лучшего друга и любовь на всю жизнь. Но как долго двое мальчишек могут противостоять капризам жестоких богов, интригам военачальников и зловещим пророчествам?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-108765-4

- © Madeline Miller, 2012
- © А. Завозова, перевод на русский язык, 2020
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2020
- © ООО “Издательство АСТ”, 2020
Издательство CORPUS ®

П Р Е Д И С Л О В И Е

Как удивительно и неожиданно, что моему роману “Песнь Ахилла” исполнилось уже десять лет. Много чего случилось за прошедшее десятилетие, но меня неизменно поддерживала мысль о том, что история Ахилла и Патрокла продолжает покорять мир и обретать новых замечательных читателей. Спасибо вам за это.

Много зерен пришлось посеять, чтобы выросла эта книга. Мама в детстве читала мне мифологические сказания. Учитель латыни научил греческому. Независимый книжный магазин ЛГБТКИА + “Комната Джованни”, который находится неподалеку от моего дома в Филадельфии, был доверху набит великими, лучезарными историями.

Но если уж надо обозначить какую-то одну, исходную точку, с которой начался этот роман, то ею станет самое начало 2000 года. Я вот-вот должна была получить диплом филолога-классика, впереди меня ждала магистратура, и я уже начала работу над диссертацией, тема которой давно не давала мне покоя: почему современные ученые, говоря об отношениях между Ахиллом и Патроклом, называют их строго “друзьями”. В платоновском “Пире” их описывают не просто как любовников, а как идеал романтических отношений. Я знаю, что романтическая трактовка отношений Ахилла и Патрокла далеко не нова, и меня возмущало, что из-за гомофобии эта версия почти исчезла. Я даже думала написать об этом в своей дипломной работе, но затем отложила эту идею, потому что у выпускной работы было ограничение в сто страниц. Помню, как я подумала: страниц мне понадобится *гораздо* больше.

Как раз в это время мне позвонил один хороший друг. Он сотрудничал с труппой Шекспировского театра, которая каждую весну

ставила какую-нибудь пьесу. В том году режиссером был он, и он хотел, чтобы я помогла ему с постановкой. У меня не было никакого опыта в театральной режиссуре, но он сказал, что ставит “Троила и Крессида”, шекспировскую версию “Илиады”. А там есть и Ахилл, и Патрокл.

Я жадно ухватилась за такую возможность, и эта жадность изменила мою жизнь. Участие в постановке “Троила и Крессида” стало для меня откровением. Мне всегда нравилось говорить об этих старинных историях, но впервые я рассказывала их сама, и это было как глоток свежего воздуха. Я поняла, что все слова, которые я хочу сказать об Ахилле с Патроком, — не диссертация, а роман.

Я мечтала стать не только филологом-классиком, но еще и писательницей. Книги и поэзия всегда были для меня прибежищем, и с самого детства я все время что-то писала и сочиняла. Учась в колледже, я даже накропала роман, действие которого происходило в современном мне мире, но он вышел каким-то бездушным, бескровным. А теперь я поняла, что могу писать о том, что меня давно и страстно волнует, — об истории Патрокла.

В то лето я заговорила голосом Патрокла. Я печатала свой роман в какой-то эйфории, но мне все время казалось, будто я делаю что-то незаконное. Я боялась, что мои однокашники и преподаватели этого совсем не одобряют. В классической филологии сильны традиции охранительства. Попытки расширить академическую оптику иногда наталкивались на открытое сопротивление, заслуги женщин и ученых неевропеоидной расы умаляли и не признавали. Один мой профессор начал свой курс по греческой истории следующей остротой: “У нас с вами курс по греческой истории, поэтому никаких вопросов о женщинах и рабах”. Разумеется, здесь подразумевалось, что “настоящая” история повествует только об определенной части мужчин, все остальные не считаются. (И я ужасно сожалею о том, что не могу вернуться назад во времени и поспорить с этим профессором.) В общем, у меня были все основания полагать, что, если молодая женщина возьмет традиционно мужской эпический материал “Илиады” и перефокусирует его как историю однополой любви, многим это придется не по вкусу.

Но я все равно продолжала писать. Во-первых, я надеялась, что хотя бы кому-то из филологов-классиков книга понравится, а во-вторых, я хотела донести эту историю до всех и каждого, и до тех, кто читал античную литературу, и до тех, кто ее не читал, — в особенно-

ПРЕДИСЛОВИЕ

сти до тех, кто не читал. Столько лет книги были для меня домом, местом, где я всегда находила приют, которого подчас не могла отыскать нигде больше. Мне хотелось, чтобы эта книга стала именно такой историей: раскрытыми объятиями, пространством для всех, кто захочет сюда войти.

Тогда я, конечно, и представить не могла, кто будут эти люди, но за прошедшие десять лет мне удалось составить о них некоторое представление — и это стало мне величайшей наградой. Для меня огромная честь получать сообщения от читателей, которые посоветовали книгу своим родителям и детям, включили отрывки из нее в свои свадебные клятвы, превратили цитаты в татуировки, рекомендовали ее в книжных магазинах и проводили по ней семинары. (Кстати, мои страхи по поводу филологов-классиков не оправдались: они выразили мне самую горячую поддержку, чему я невероятно рада.) Читатели рассказывали мне, что книга помогла им совершить каминг-аут перед родителями, вдохновила на написание диссертации или даже собственного романа.

Каждому писателю хочется, чтобы его книга зажила собственной жизнью, но я никогда, даже в самых безумных своих мечтах, не думала, что у Ахилла и Патрокла будет такая насыщенная, благодатная и замечательная жизнь. Когда первые экземпляры книги только-только начали продаваться, я была очень признательна всем, кто их покупал, — помню, я подумала, что надо бы как-то отблагодарить всех этих людей. Прошло десять лет, а моя признательность все так же сильна. Спасибо, что разделили со мной это приключение.

Мадлен Миллер,
2021 г.

*Моей матери Мадлен
и Натаниэлю*

Г Л А В А П Е Р В А Я

Мой отец был царем и сыном царей. Росту он был невысокого, как почти все мы, и сложен по-бычьему — сплошные плечи. Он взял в жены мою мать, когда той было четырнадцать, и жрица поклялась, что чрево ее плодородно. Брак был выгодным: у нее не было ни братьев, ни сестер, все, чем владеет ее отец, достанется мужу.

Он до самой свадьбы не знал, что она дурочка. Ее отец осторожничал, не позволял ей открывать лица до самой церемонии, и мой отец с ним не спорил. Если невеста окажется безобразной, всегда есть рабыни и мальчишки-прислужники. Говорят, что, когда с нее наконец сняли покрывало, моя мать улыбалась. Вот как все узнали, что она глупа. Ведь невесты никогда не улыбаются.

Когда родился я, сын, отец выхватил меня у нее из рук и отдал кормилице. Повитуха, сжалившись над матерью, вместо меня дала ей подержать подушку. Мать прижала ее к себе. Она как будто и не заметила подмены.

Отец быстро во мне разочаровался: мал, тщедушен. Я не был сильным. Не был проворным. Не умел петь. Все, что можно было обо мне сказать хорошего, — я не болел. Хвори и колики, терзавшие моих сверстников, обходили меня стороной. Но у отца это вызывало лишь подозрения.

Может, я и не человек вовсе, подменьш? Он хмурился, глядя на меня. Под его взглядом у меня тряслись руки. По подбородку у матери тоненькой струйкой стекало вино.

Мне пять лет, когда настает очередь отца быть распорядителем игр. Люди съезжаются с самой Спарты и Фессалии, наши кладовые ломятся от их золота. В течение двадцати дней сотня слуг вытаптывает беговую дорожку, расчищает ее от камней. Отец намерен устроить лучшие игры своего времени.

Больше всего мне запомнились бегуны: их орехово-коричневые тела умащены маслом, они разминаются на дорожке, под палящим солнцем. Все смешались, широкоплечие мужи, безбородые юнцы и мальчишки, икры густо оплетены мышцами.

Быка закололи, тот истек кровавой пеной в пыль и темные бронзовые чаши. На смерть он пошел спокойно — добрый знак для грядущих игр.

Бегуны собираются у помоста, где мы с отцом сидим в окружении наград, которые потом вручим победителям. Тут золотые чаши, в которых разбавляют вино, кованые бронзовые треножники, ясеневые копья, увенчанные драгоценным железом. Но главная награда у меня в руках: венок из свежесрезанных пыльно-зеленых листьев, заблестевших там, где я потер их пальцем. Отец отдал мне его крепя сердце. Он успокаивает себя: мне нужно его держать, только и всего.

Самые юные бегут первыми, и мальчишки возят ногами по песку, дожидаясь, когда жрец кивнет им. Они только начали расти, кости острыми веретенами проступают под туго натянутой кожей. Среди десятка темных взлохмаченных макушек я вдруг вижу светлую. Тянусь вперед, чтобы получше разглядеть. Волосы медово сияют под солнцем, а в них покачивается золото — венец царевича.

Он ниже своих сверстников, еще по-детски круглощекий, не то что другие мальчишки. Волосы у него длинные, перевязанные кожаным шнурком, пылают на его нагой темной спине. Когда он оборачивается, лицо у него серьезное, как у взрослого мужа.

Когда жрец ударяет оземь, он проскальзывает мимо неповоротливых старших мальчишек. Бежит легко, пятки мелькают розовыми язычками. Он приходит первым.

Я не свожу с него глаз: отец берет венок, лежащий у меня на коленях, увенчивает им победителя, на его ярких волосах листья кажутся почти черными. Его уводит отец, Пеллей, гордый, улыбающийся. Царство Пелея меньше нашего, но, говорят, он женат на богине и народ любит его. Мой отец глядит на него с завистью. Его жена глупа, а отпрыску не по силам состязаться даже с самыми юными бегунами. Он поворачивается ко мне:

— Вот каким подобает быть сыну.

Без венка мне некуда деть руки. Я смотрю, как царь Пеллей обнимает сына. Мальчик подкидывает венок и затем ловит его. Он смеется, разругавшись от победы.

Кроме этого, я мало что помню из той моей жизни, одни лишь разрозненные образы: хмурый отец, сидящий на троне, моя любимая игрушка — искусно сработанная лошадка, мать на берегу моря, вперившая взор в сторону Эгейских островов. В этом, последнем, воспоминании я, чтобы порадовать ее, швыряю голыши, которые — шлеп, шлеп, шлеп — скользят по покрову моря. Ей, кажется, нравятся круги, что расходятся по воде, снова становясь гладью. А может, ей нравится само море. Звездчатый шрам у нее на виске горит белым, будто кость, — это отец однажды ударил ее рукоятью меча. Она зарылась ногами в песок, торчат одни пальцы, и я осторожно обхожу их, пока ищу камешки. Выбираю один, швыряю его, радуясь, что хоть это у меня получается. Это един-

ственное мое воспоминание о матери, и оно до того золотое, что я почти уверен, будто его выдумал. В конце концов, отец вряд ли позволил бы нам остаться вдвоем наедине, своему глупому сыну и еще более глупой жене. Да и где это мы? Я не узнаю ни берега, ни береговой линии.

Столько воды с тех пор утекло.

Г Л А В А В Т О Р А Я

Царь призвал меня к себе. Помню, до чего ненавистным казался мне долгий путь по бесконечному тронному залу. У каменного изножья трона я преклонил колени. У иных царей на этом месте лежал ковер, сюда вставали коленями гонцы, которым предстояло о многом доложить. Но мой отец был не из их числа.

— Царь Тиндарей наконец выдает дочь замуж, — сказал он.

Мне было знакомо это имя. Тиндарей был царем Спарты и владел огромными угодьями плодороднейших земель, которые были предметом зависти моего отца. Знал я и о его дочери — по слухам, во всех наших царствах не найти было женщины красивее. Говорили, что ее мать, Леду, силой взял сам повелитель богов Зевс, явившись ей в образе лебеда. Девять месяцев спустя ее чрево разродилось двумя парами близнецов: Клитемнестрой и Кастором, детьми ее смертного мужа, Еленой и Полидевком, блистательными чадами бога-лебеда. Но из богов, как известно, выходят на редкость плохие родители; разумеется, отцом всем четверым должен был стать Тиндарей.

Я ничего не ответил на отцовскую весть. Такие новости для меня ничего не значили.

Отец откашлялся, звук разнесся по пустынному залу.